

Золотой мальчик

Посвящается И.

Часть первая

1

«Мама!!!»

Никита кричал надсадно, немо, оттого мучительно до слёз, которые тоже не шли. Они истошно просились наружу, но поплакать не выходило, потому что сон есть сон.

Очнувшись от приснившейся боли, мальчик не сразу разобрался в сторонах действительности. Но после выдохнул краткий мык, снимая толику горести.

Этим сном он изредка перемучивался несколько уже лет, и каждый раз утром отмахивался от страдания, гнал его из себя, как приبلудную псину. А оно нет-нет да и возвращалось и снова заставляло кричать...

Никита сел, прижал глаза ладонями и помотал головой. Помогло: ночная мука начала тяжело опадать и гаснуть где-то в груди. Вместо неё уверенно всачивалась радость пробуждения: настоящая жизнь с каждым днём обростала новыми увлекательными подробностями и обещала ладно выстроиться.

Веру в удачу восторженно и беспечно подтверждало душистое майское тепло. Сирень, принесённая с вечера домработницей, веяла мечтами о будущем, неохватной и безмятежной, как сегодняшнее небо.

Никита соскочил с кровати и принялся собираться. Он был нежно тонок. Не скоро заматерееет и окоренастится. В фигуре ещё полно детскости, - не угловатости.

Угловатость обычно выпирает в манерах, а они у него - непринуждённо ловкие, добродородные, сказала бы бабушка. На их благодатной клумбе она вырастила редкое умение носить одежду и понимать толк в обуви. Кит – так Никиту звали в семье – едва не с пяти лет прочно, как своё имя, знал, что туфли и костюмы должны быть удобными, своевременными, чистыми без скидок на условия и причины. Отец никогда в деньгах на это не отказывал, хоть не приветствовал педантизма, привитого бабушкой...

Кита воспитывала Ольга Леонидовна, мать отца. Когда ему исполнилось шестнадцать, он перебрался в просторную папину квартиру поближе к гимназии, где учился и куда до сих пор его возили из бабушкиного микрорайона. Такое решение ба приняла единогласно, то есть в один свой голос, без совещаний с сыном и внуком. Старая матрона сочла миссию попечителя выполненной и пожелала прожить в одиночестве.

Никите от неё достался набор намертво привитых условностей (светское воспитание), который оставалось украсить престижным образованием.

Его-то Кит сейчас и получал в десятом классе добротной гимназии, подобранной для него отцом. Безмерный трудолюб, отец всё же находил время раз в месяц интересоваться делами сына и нуждами учителей. Он никогда не забывал обещаний.

Киту, впрочем, и не приходилось многого просить. Всё, чем обустроивалось его учение, от компьютеров до купальных шапочек, было солидного качества. В нужный момент каждая вещь, словно по волшебству исчезала, чтобы подмениться лучшей...

- Итак,- сказал Никита в прихожей своему отражению.- Сегодня консультация. Потом пара экзаменов, и можно подумать о Копенгагене. Жаль, без Даши.

Воображение живо нарисовало улыбчивую девичью мордашку. Предвкушение встречи совсем обрадовало мальчика и поторопило. Он обдёрнул пиджак, сунул ноги в лакированные туфли и замахнул под мышку папку.

Юная природа доверчиво полила его солнцем, птичьей разноголосицей, горькими зелёными запахами, приняв за тонкий пруттик с ещё не вывернувшимися листочками.

Холодоватый ветерок, похожий на предстартовое волнение, обдувал безусое лицо, слезил глаза...

Перед дверями гимназии букетиками скучковались старшие школьники. Среди них Никита издали углядел подругу. Даша тоже высмотрела его и теперь подпрыгивала, взмахивая рукой. Со стороны это выглядело забавно: будто кто-то дёргает её за запястье кверху невидимым шнурком.

Улыбчивое солнышко Даша вошло в десятом «В» осенним утром тотчас после звонка на урок. Розоватыми бликами ямочек и острыми лучиками прищуря оно согрело попутно всех: будущих одноклассников, учительницу биологии, даже вечно пасмурную, как промозглая морось, замдиректора, которая и привела девочку в класс.

Пока учителя, склонившись над журналом, вполголоса решали судьбу новенькой, она подошла к Никитиному столу и звонко спросила, кивнув на свободный стул:

- Можно?

Мальчик линейкой, словно снегоуборочным щитком, сдвинул на свой край учебник и тетрадь, освободив место.

На уроке Кит и Даша тихонько познакомились. Получилось на удивление легко и весело, поэтому им захотелось узнать друг о друге ещё что-нибудь, и ребята увлеклись. На переменах, сблизив головы, они ныряли в разговоры так глубоко, что не слышали звонков и спохватывались от окликов товарищей. Радостно и стремительно завязалась их дружба.

Ребятам и учителям девочка тоже пришлось по сердцу; уже через пару дней новенькой её никто не звал...

Перемахнув низкие ступени, Кит взял подругу за руку и тут же попал в негу светочувствительных глаз. Оттого мысли спутались, слова растерялись.

Слушая внутреннюю сумятицу, он так и не решил, с чего начать, потому не попад брякнул:

- Ой, Даш... Лето скоро.

- Привет, Кит, - ответила девочка с понимающей полуулыбкой.

Резкий, бесцеремонный звонок позвал десятиклассников в уже разогретую солнцем, душную школу. Но ни обязанность отсиживать в ней добавочное время, ни даже экзамены не могли переломить радостного настроения ребят на вольное лето.

Беспечно гомонящая река молодости ручьями растекалась по раскрытым настежь классным комнатам.

Десятый «В» шелестящей стружкой втёк в кабинет физики.

- Сходим сегодня к бабушке? - спросил Никита, выкладывая на парту тетрадь. - У неё для нас есть какое-то важнущее сообщение.

- Натюрлих! - с шутливой готовностью отозвалась девочка.

Лучистая Даша, единственная из друзей Кита, ни капельки не боялась изнутри и снаружи прямой, как вязальная спица, Ольги Леонидовны, бабушки своего друга.

Знакомство с ней было обставлено чудными церемониями, точно дипломатический приём.

Полковница барски протянула Даше костистую руку так, что девочка замешкалась: то ли пожать, то ли макушку за благословением подставить. Пока гостя приноравливалась пожать, полковницына ладонь зависла минуты на две. Девочка прыснула, а Ольга Леонидовна изумлённо подняла правую бровь.

Даша не выдержала глупости положения и так заразительно расхохоталась, что надменность хозяйки протаяла до улыбки. Она обняла девочку за плечи и повлекла к столу.

Кит, настороженно наблюдавший за ними, с готовностью подхватил смешливую эстафету, даже охотнее, чем полагалось по этикету. Этикет рухнул.

Между Дашей и ба подозрительно быстро установились заговорщицкие отношения. Кита в свой союз они не приняли, и бог знает, что умышляли...

Хватило пяти минут притоптывания на ступенях «Ленинки», чтобы и сердце продрогло. Сырой напористый ветер пробирался за ворот и в рукава пальтишка, хватал за коленки.

Дина повернулась, чтобы уйти, и ткнулась лицом в грудь выросшего из-под земли человека.

- Привет. Меня зовут Иван. Что ты тут делаешь? - вот так, с места в карьер, поздоровался, представился, и завёл беседу пришелец.

- Дина, - недоверчиво буркнула девушка и шмыгнула носом. - Мне сказали, где-то здесь продают Брокгауза. Всё обошла, внутрь заглянула (она кивнула на здание «Ленинки»), в переходе закутки проверила, - ничегошеньки. Не знаю, куда ещё двинуть...

- Достану, - просто, даже буднично пообещал Иван.- А ты, значит, студентка? Педагог, небось?

Дине почудилась в его словах насмешка.

- Откуда такое пренебрежение к педагогам? - с вызовом спросила она.

- Да ты не сердись. И вот что. Времени у меня мало, говори, куда тебя сейчас подвезти. Я завтра обозначусь.

- Никуда не надо меня везти,- отрезала девушка, но, смутившись, тут же прибавила. – Проводи до метро. Тут близко...

- Посмотрите, какой парниша возле нашего общего жития на чудо-тачке притормозил! – вскрикнула Людка, выглянув в окно.

- Следи за речью, будущий филолог, - посоветовала Галя, подходя к окну.

Люда не успела парировать, потому что пришлось ещё больше удивиться:

- Ты глянь, кто к нему выпорхнул! Это ж наша тихушка Динуля! С ума сойти...

Дина вернулась в комнату, прижимая к груди заветного Брокгауза.

- Признавайся, где мужичка с тачкой заловила? – без обиняков спросила Люда.

Улыбнувшись, Дина рассказала о вчерашнем знакомстве.

- Так просто? Странно... - недоверчиво протянула рассудительная Галя.

Дина пожалала плечами. Что необычного в знакомстве мужчины и женщины? Но удивляться пришлось и ей...

Едва не на первом свидании Иван протянул ей коробочку с кольцом и коротко пояснил: время не ждёт, пора жениться, а прелесть свиданий с цветами, ужинами при свечах не полиняют и после свадьбы. Избранница залилась колокольчиковым смехом: молниеносный роман хоть кого смутит.

Свадьба и в самом деле начала светить в близком будущем, пугая Дину неотвратимостью...

Полная луна залила притворным жемчужным светом подоконник и подушку, но девушке и без того не спалось. Вечерний разговор с подружками оставил неприятный привкус. Галка с Людой Дининых сомнений решительно не понимали и усматривал в них глупое женское кокетство.

- Не пойму я твоей маяты, - говорила Люда. – В дебрях Москвы подкатывается зажиточный кавалер, а ты манерничаешь. Дождёшься, пока уведут.

И Гала туда же:

- Дин, подумай: владелец строительной кампании, не пьёт, не курит и к тебе не абы как – женится. Где лучше-то найдёшь? Женихи за тобой в очередь, что ли, выстроились?..

Какие у Дины могли быть возражения? Иван – молчун; неизвестно, что помышляет? Не то...Быстро всё как-то, слишком, чтобы быть правдой.

Девушка приподнялась на локте, взглянула на луну. Мысли потекли спокойнее...

В девятом классе, когда в «Псковской правде» она прочла своё стихотворение, решила: станет учителем русской словености. Непременно лучшим, и значит учиться поедет только в Москву. А тут неожиданное замужество...

Из недавней памяти выскочили Людины слова:

- Ах, нам деточек за гроши учить хочется! Ой, нам стишки писать приспичило! Кто ж тебе помешает с таким-то Иваном? Любая, слегка умная жена знает: не беда, если тебе чего-то не хватает; беда, если мужем помыкать не умеешь. Учись властвовать, милая, и тогда возьмёшь своё. А лучше брось-ка ты эту придурь с детьми и стишкам, ходи по бутикам, салонам и мотайся в Новый год на Аравийские курорты. Поняла?

Ну да, смеживая веки, баюкала себя Дина, брак планам не помеха, когда любовь...

«Любовь?» - она вздрогнула, точно услышала чужой голос, и проснулась, но лишь на мгновение.

Любовь, любовь...Слово таяло в сознании, уступая место сну. Луна ушла лгать в другое окно...

3

Свадьбу устроили изысканно простую; без излишеств, но по заоблачным мерам.

С утра невесту вежливо беспокоили примеркой нарядов, подбором букетов, украшений, ещё какими-то и кому-то важными мелочами. И каждый миг спрашивали Динино мнение.

Никогда прежде не владев дорогими безделицами, девушка не видела в них изъянов и достоинств, потому не могла выбрать. Она не умела думать о таких вещах, поэтому предсвадебная кутерьма утомила её раньше главного действия.

Только ожидая очереди замуж в комнате невест, Дина ненадолго осталась наедине с собой. Она подошла к окну. На улице заполошным воробьиным ором торжествовало лето.

«Что ты делаешь? Беги отсюда сейчас же!» - услышала девушка свои мысли и вздрогнула от их верности. Обхватив плечи, словно её мгновенно прошиб озноб, мотнув головой, она прогнала незваную правду и заставила себя думать иное.

Люди... Они сейчас счастливы за неё, ждут. Тратились. Мама из Пскова приехала... Хороший получился бы сюрприз...

Её позвали. Невеста пересилила волнение и вышла в зал к Ивану...

На руках мужа она влетела в его обиталище. Неожиданно ей стало не по себе: в квартире было всё.

«Разве так живут?» - удивлялась Дина, обходя владения.

Избыток всяческих удобств ошарашил молодую хозяйку, лишил дела. Ей не приходило в голову что-то менять в доме по своим желаниям (они просто не рождались), метаться по магазинам в поисках новых люстр и кофейных столиков. Даже ухаживать за этим роскошеством полагалось не жене, а домработнице.

Надеясь хоть чем-то снабдить отлаженную жизнь мужа, Дина надумала учиться каким-нибудь сказочным блюдам. Накупила книжонок и с азартом взялась постигать вкусную науку.

Иван сразу после свадьбы увяз в работе, возвращался поздно, подолгу сидел в кабинете, не ужинал. Кулинарные подвиги оказывались напрасными...

Не пригодившись хозяйкой, Дина подумывала вернуться к своим прежним планам. Вечером, когда Иван как обычно пристыл у компьютера, загнипнотизированный столбцами чисел, жена проникла к нему в кабинет и робко присела на подлокотник кресла.

- Ваня, - тихо позвала она. – Давай, я закончу институт.

- Не понял. Повтори.

Дина вдохнула поглубже и заговорила:

- До свадьбы, ты помнишь, я училась в педагогическом. Теперь хочу восстановиться и закончить. Что скажешь?

- Аргументы, пожалуйста.

- Что?

Иван, наконец, посмотрел на неё.

- Ты хочешь закончить институт. Спрашиваешь моего совета. Чтобы дать его, я должен получить ответы на три вопроса: затраты, возможная прибыль и, следовательно, целесообразность.

Он снова погрузился в голубое свечение монитора, а жена тихонько вышла из кабинета с новой крошечной мыслью: в её семье что-то неладно...

Несколько раз она с мужем ходила на вечера, похожие на дежавю.

Они под руку входили в какой-нибудь зал, где небольшими горстками, с бокалами в руках уже толпились и сдержанно беседовали гости, одетые все как один неброско - шикарно, с малыми отличиями.

К Ивану с Диной поочерёдно подходили люди для короткого ритуальца приветствия и знакомства. Мужчины с минуту озирали новую в обществе женщину и забывали о её существовании. Их главным интересом был Иван.

Дамы же тепло улыбались светской дебютантке и отсыпали вымеренную долю любезностей, исхитряясь при этом скользить взглядом по дининой фигурке с лица, на бок и чуть на спину.

Изумляясь их уловкам, Дина как-то спросила мужа:

- Что они на мне ищут?

- Ценник. Привыкай, - не то серьёзно, не то шутя ответил Иван.

Но она не привыкла, не вжилась в атмосферу вечеров, чувствовала себя неодолимо отдельно от этих людей, как манекен на витрине...

Рождение ребёнка не слепило семью. Иван не природнился.

Перед тем, как вновь броситься в путину деловых тягот, он позвонил своей матери, Ольге Леонидовне, попросил найти опытную няню.

Чугунным утюгом присланная помощница вклинилась в Динино материнство. Служа ревностно, няня предупреждала и крошечные попытки Дины приблизиться к малышу. Болезненно морщась, горе-мама вспоминала слова бесцеремонной Людмилки: «Учись повелевать...» Этим Дина точно похвастаться не могла. Отослать бдительную прислугу стоило неимоверного напряжения воли, которого не хватало, и няня полновластно воцарилась в детской.

Иван сложности в этом не видел.

- Она выполняет работу, которую я хорошо оплачиваю. Моя мать дала ей нужные указания. Не волнуйся, - говорил он жене...

Отчуждённость нарастала, а Дина ничего не могла поделать. Прислуга её не слушалась, Иван не слышал, Никитка не видел.

Прежде, в часы душевного неуютта ей хотелось писать стихи, но это тяготение теперь ослабло вместе с надобностью что-нибудь одолевать, достигать, как-то трудиться.

Прятаться от осознания того, что не нашла себе места, потому не сумела привыкнуть в новой жизни, женщина начала в запойном чтении и в редких прогулках с сыном.

То было чудодейственное лекарство от реальности. Если удавалось улизнуть от няни, Дина с малышом забиралась в какой-нибудь тихий, неприбранный дворик, где осенью можно расшвыривать разноцветную листву, подбрасывать кверху и кружиться под ней, раскинув руки, а зимой падать в сугробы. Кит-Никитка смеялся пичужкой, а Дина напевала.

В такие часы казалось, что железобетонный, равнодушно хрустящий судьбами жернов города- великана гудит где-то в стороне и, возможно, ей с сынишкой повезёт: он их не раздавит...

«Вот ведь штука», - думала иногда Дина: «У меня есть то, чего даже пожелать не успела, а я живу так, будто сердце потеряла, будто меня и на свете-то нет»...

Однажды белый листок телеграммы принёс Дине чёрную весть. Мама...

Взять с собой маленького Кита нельзя и думать. Скорбь и похоронные хлопоты заберут её душевные силы без остатка.

- Поедешь одна,- сказал муж.

И Дина уехала...

4

Ольга Леонидовна ещё в девушках придумала себе жизнь и смогла воздвигнуть её по замыслу, потому гордилась собой и конечно, самозабвенно любила своё детище - семью.

В ней она видела свой долг, крест, который несла с восторгом, будто самую завидную долю на земле...

Выйдя замуж за офицера, она с такой истой готовностью принимала и одолевала гарнизонную жизнь, что к концу службы не менее мужа была достойна полковничьих погон. Где-то армейская доля ей пригодились даже больше, чем мужу...

Ольга Леонидовна души не чаяла в единственном сыне. Голубила его успехи, ждала побед и устанавливала для них планку. Впрочем, и промахи Ивана виделись как посланное свыше испытание, единственно для того, чтобы ещё раз осветить его особость.

Вера в сыновью недюжинность скристаллизовалась в ней за годы, когда растерянные люди поневоле учились жить так, как не умели прежде. Тогда-то Иван на пустом месте сколотил строительную компанию и теперь, не зная отдыха, возделывал это поприще. Но на то, что для матери являлось главным оправданием жизни, он не находил ни сил, ни времени. Семья сына – вот о чём сокрушалась мать...

Однажды служение Ольги Леонидовны закончилось, и мнилось, навсегда. Умер муж, благоденствие которого составляло смысл её жизни.

Весь год, не находя себе применения, женщина из угла в угол мерила комнату чеканными солдатскими шагами, пытаясь обвыкнуться в непривычном звании «вдова».

Выход нашёлся сам собой: уехала невестка. Иван привёз матери пятилетнего Никиту, не пускаясь в объяснения, а через несколько дней объявил: Дина не вернётся.

Маленький внук глядел на бабушку блестящими, почти круглыми глазёнками в ореоле лучей-ресниц, словно диковинными голубыми солнцами, безмолвно требовал семейной устойчивости, тепла и защиты. И

Ольга Леонидовна перенесла на него все душевные силы и честолюбивые чаяния.

Фанатично веря в сиятельное будущее ребёнка, она с упорством селекционера прививала ему должные манеры и оттачивала запросы до филигранно педантичной простоты. Благо, Иван денег на это не жалел...

Позже, оглядывая уже повзрослевшего внука придирчивым взглядом, бабушка поняла, что прибавить больше нечего.

Никита вырос непохожим на золотую молодёжь, своих сверстников, которые за деньги родителей получали то, чего могли бы добиться сами. Могли бы? Кто знает... А Кит мог.

К своим сложностям и надобам мальчик допускал родных и учителей, и то лишь настолько, насколько это неизбежно. В репетиторах, прислуге, разномастных помощниках и советчиках он не нуждался.

Теперь ему надо туда, где человек вращает жизнь, а не жизнь человека, то есть, к отцу.

Все эти годы Ольга Леонидовна нуждалась в Никите не меньше, чем он в ней. Внук спасал её от старости: пока он рос, немощь не смела к ней подступиться...

И вот женщина во второй раз теряла смысл жизни, но теперь осознанно. Не оттого, что мало любила. Иногда привязанность к внуку заставляла бабушку верить в право на все его чувства; она не могла допустить, чтобы он наделял ими ещё кого-то.

Глубоко в себе бабушка прятала воспоминание о своей жестокости. С возрастом этот случай поднимался из памяти всё чаще, настойчивее, словно требовал пересмотра на суде совести. И Ольга Леонидовна понимала: теперь, в одиночестве, ей придётся с ним разбираться.

Чтобы не страдать от ненужности, она завела новую семейную традицию: сын и внук обязывались один день в неделю проводить с ней.

Гостевые дни Ольга Леонидовна сдабривала съестными изысками из собственных рук, давно умевших что угодно превращать в произведения искусства ради удовольствия близких.

Правда, вскоре новшество изменилось. Бабушкины дни почти всецело переложились на Кита. Иногда он приводил друзей или девочку. Милая, тонкая Даша в день знакомства обаяла полковницу, и та отважилась посвятить её в свою нелёгкую тайну...

5

В тяжко-докучной, но по обычаю неизбежной маяте людных поминок Дине было легче, чем сейчас одной.

После похорон матери в доме поселилось эхо, сделав одиночество окончательным.

Дина слушая переключку часов и шагов с их упругими, точно мячи, гулками отголосками; водила пальцем по рисунку обоев, по обколотившимся углам древнего полированного серванта.

Мало что изменилось в доме за годы Дининой столичной жизни. Корзинка для рукоделия, круглый будильник гранитно стояли на извечных своих постах, а вкрадчивый хрип половиц Дина помнила с минуты, когда в ней, малышке, первым лучом вспыхнула память.

Воспоминания детства настолько захватили, что, взглянув в помутневшее трюмо, она удивилась своей взрослости и вздохнула...

Закатное, ещё не зарево - солнце выстелило на полу светлый квадрат и загорелось в оправе стариковских очков.

Дина босиком вступила в тёплое солнечное пятно и закрыла глаза. Ей отчаянно захотелось, чтобы вошла мама. Несчастливая дочь сжала ладони и зашептала: «Войди, ну, войди же!»

Чуда не случилось. Дина села на диван, зажала лодочку рук коленями и закачалась...

Дня через два, чтобы как-нибудь отвлечься, она заняла себя разбором вещей.

В шкафу нашлась пухлая картонная папка с обтрёпанными клапанами. Из неё листопадом посыпались старые открытки, фотокарточки и вырезки из «Псковской правды» со стихами.

Дина опустилась на пол, развернула газетный лоскут и принялась читать свои юношеские творения. Оказалось, она каждую строфу помнила наизусть.

За словами, как нить за иголкой, из памяти вытаскивались давние мысли, события, а за ними – мечты, планы... Венчиком народившегося цветка раскрывались забытые желания. Дина узнавала прежнюю себя, точно давно потерянного из виду старого друга, и понимала, что больше не захочет жить лоснящейся бездельем жизнью. Но есть Кит, Иван. Главное, Иван.

Дина отложила вырезки и подтянула колени к подбородку и стала покусывать нижнюю губу. У неё вовсе не было уверенности, что муж её поймёт и поддержит. Но ведь у него тоже когда-то всё начиналось с желания, планов, и вон во что выросло. А ей, Дине, и сотовой крохи того не мыслится, - какая ему обуза? Она всё устроит сама, лишь бы понял, лишь бы разглядел человека...

Толком не решив, чего ждёт от разговора, она всё же набрала номер. Впервые после замужества Дина заговорила о себе: ей не нравится служить домашним удобством; мало оттенять солидность мужа- дельца, украшать его, как булавка на галстуке...

В трубке долго висело молчание.

- Не приезжай. О Ките не беспокойся, у него будет всё. Попробуешь забрать его через суд – уничтожу. Ты меня знаешь...

- Да не о том же я, Ваня! – как укушенная вскрикнула Дина, но связь уже оборвалась...

Тишина окружила ватной предгрозовой духотой: Дина перестала ощущать ветер, запахи, тепло, словно мир отъединился прозрачной витриной. Можно видеть происходящее, но нельзя окунуться в него, почувствовать.

Дина вышла из дому, заключённая в капсулу беды и, не замечая уличной суеты, побрела без цели.

За домами и лугом она спустилась к реке, пошла по кромке берега. Прозрачные ладошки тёплой воды осторожно гладили ей ступни и замывали ямки следов. Нежаркий светлый день окликал Дину звонкими криками купающихся детей. Ультрамариновая, с радужным отливом, стрекоза несколько раз пикировала ей на плечо. Но никакая утеха не могла сейчас пробиться сквозь бронированное стекло несчастья...

Спустя время женщина невдруг поняла, что слышит колокол. Она остановилась, повернула голову в сторону, откуда, казалось, доходят волны набата. Ноги внезапно налились свинцом; нести себя стало неважноту. Дина рухнула в песок, оперлась на кулаки и бессмысленно усталилась в пространство между ними. Горло обжёт невидимый калёный песок. «Господи! Зачем так жить? Забери!» - просила она и ожидала скорой милости... Но ничего не произошло.

Оставалось жить...

В библиотеке, куда Дину приняли на работу, не особенно привередничали по отсутствию диплома. Плата, конечно, копейки, но Дине было всё равно.

Лето она прожила в ступоре. Горе высосало её до равнодушия, но не ушло – затаилось, время от времени напоминая о себе тревожной бессонницей...

Последние дни осени небо изливало на землю холодным дождём.

В тот вечер Дина забыла на работе зонтик, влачилась к дому вымокшая и совершенно разбитая. Струйки, повторяя завитки волос, стекали с головы за ворот. Тушь с ресниц оплыла, оставив на веках чёрные полумесяцы.

Женщина услышала за спиной хлюпанье шагов и краешком глаза усмотрела мужчину, спрятавшего лицо в воротник.

«Полоснул бы ножом, что ли...» - неожиданно возникла у неё на редкость чёткая мысль, не испугав, однако, и не удивив.

Между тем, мужчина нагонял. Ожидая избавления, Дина вздохнула. Сейчас между лопатками её прожжёт ножевая рана. Скорее бы! Ещё мгновение – и кончено! Она уже почувствовала тёплую щёкочущую струю (кровь?) на спине. Теряя сознание, Дина взглянула на падающие в глаза пунктиры струй и прошептала: «Спасибо»...

6

После пятидесяти Ольга Леонидовна перестала широко отмечать праздники и не любила, чтобы её тревожили поздравлениями.

Дни рождения она обычно проводила в кресле, пересматривая семейный архив.

Однажды ей на глаза попало письмо Дины, оставшееся без ответа по сей день. Прожив жизнь собственного изготовления, Ольга Леонидовна тогда не верила, что обстоятельства бывают сильнее людей, потому презрела невесткины излияния.

Сейчас, пробежав глазами листок письмеца, она невесело усмехнулась. М-да, обстоятельства... С каждым днём ей всё труднее не считаться с ними.

Мысли повернули к Никите. Приспееет день, когда у него останется только отец, с которым нет родственного тепла. Иван – чёрствый человек; тяжёлая работа забрала все силы, даже те, что предназначены для семьи, любви, а благополучие уничтожило надежду на то, что он будет любим. И в этом Ольга Леонидовна чувствовала свою вину. Взяв на себя заботы о внуке, она освободила Ивана даже от попытки стать отцом...

К этой вине она добавила ещё. Всякий раз вспоминая лужицы округлившихся Дининых глаз, готовых излиться солёными ручейками, полковнице становилось неловко. Она уже не помнила, что выговаривала матери своего внука прямо на лестничной площадке, но Дина больше не появилась. Ольга Леонидовна спрашивала себя, что заставило её прогнать невестку, только ли благочестивые принципы? Ещё страх. Страх, что придётся делить привязанность внука ещё с кем-то. А вышло, что безмерная её любовь лишила Кита разом всех: матери, отца, а скоро и бабушки... Любовь, питавшая сотворение семьи, через годы оказалось стенобитным оружием, погубившим эту храмину – вот в чём признавалась себе Ольга Леонидовна, глядя на желтый Динин листок...

Может быть, как раз теперь наступило время жизненно важного решения...

Старая матрона положила перед собой лист бумаги и вывела узкими острыми буквами: «Здравствуй, Дина»...

Бывшая невестка ответила. Она жила по прежнему адресу, работала библиотекарем. Бог знает, как умудрялась издаваться.

Ольга Леонидовна читала присланные Диной сборнички. В ответ рассказывала об успехах Кита, отправляла фотокарточки.

Завязалась переписка, странная, как ни посмотреть. Две разные судьбы, два не принимающих друг друга подхода к жизни оказались связанными почтовой ниточкой в единый тандем...

Кит вежливо терпел разговоры о матери, через силу читал её письма и листал книжечки. Потом, уединившись, он засовывал их на стеллажах за словари, с глаз долой. Ольга Леонидовна это знала, но не отчаивалась: последнее дело её жизни продвигалось...

Дина тяжело болела. Когда её вымётывало из горячки, она с удивлением слышала возню на кухне, а иногда различала склонённое к ней рыжебровое

лицо с близко посаженными глазами. Знакомое, но она не могла вспомнить, чьё...

Здоровья ей не хотелось, а оно приближалось. Скоро Дина уже не впадала в забытьё,- лежала, неподвижно уставившись в потолок, и послушно, словно очарованная, принимала лекарства и чай из рук рыжебрового.

- Кто вы?- однажды спросила она.

- Меня зовут Пётр. Работаю в библиотеке: охраняю. Я встречал вас на заседаниях литературного кружка. Вы - Дина, тогда ещё запомнил, потом уж... в документах посмотрел...

- А здесь... почему?

- Подобрал вас на улице. Шёл следом, вижу: на тротуар медленно оседаете: плохо, что ли, сделалось. Подбежал, поднял... Вы «спасибо» сказали.

- Не помню... Ничего не помню...

- Потом я «скорую» вызывал... - пытался подступиться к Дининой памяти Пётр.

- «Скорая»...- эхом откликнулась больная. – Сколько дней прошло?

- М-м... Четыре.

- И вы всё время были здесь? Дома-то вас, наверное, потеряли!

- Да некому терять, - серьёзно ответил Пётр.

Они надолго замолчали, возможно, даже забыли на время друг о друге.

- Но вы всё же уходите. Теперь я одна смогу, - тихо попросила Дина.

Через две недели она вышла на работу.

Зима, царевна- несмеяна, то и дело меняла серебристые норковые меха на сырое дымчатое рваньё. Люди ходили, утопая то в снегу, то в воде. Лишь к концу декабря слегка приморозило. Дина ходила по затканым гирляндами улицам, равнодушно обводила взглядом витрины, не умея или не смея увлечься предпраздничной суетой...

С Петром она мельком встречалась после работы, когда сдавала ключи. Иногда они перебрасывались парой слов.

Дине почему-то было неловко за то, что невольно вовлекла его в свою беду...

В новогодний вечер Пётр пришёл к ней домой с угощением. Давно не ожидая от жизни ничего хорошего, женщина нахохлившимся воробьём сторожко присматривалась к ситуации.

А Пётр как ни в чём не бывало принялся разбирать пакеты и накрывать стол. Дина взялась помогать и исподволь наблюдала, постепенно смягчая сердце.

Наконец, гость пригласил хозяйку на праздничный ужин. Она усмехнулась, и напряжённая неловкость исчезла. Интерес затеплился, беседа ожила.

Смущаясь, Дина рассказала Петру, как осенью она, больная, на улице приняла его за убийцу.

Тот не рассмеялся, но весело глянул и сказал совсем по-родному:

- Глупенькая, кто ж за мокрую доходягу в тюрьму рвётся? Или думаешь, у тебя на лбу написано, что полны карманы золотишка?

Он погладил её по голове на удивление жёсткой ладонью и поцеловал...

Наутро Дина увидела сосульку, свисавшую с крыши прямо перед окном.

Преломившись, солнечный луч искринкой засветился внутри стылого натёка, словно солнце вгрызлось в него золотым зубком. Капли на острие ледышки скапливались и грузнели, задорно шлёпались в снеговые отверстия, брызгая вокруг, как сорванцы.

Душа женщины просветлела.

Она любила зиму, но сейчас поняла, что отчаянно ждёт весны, лёгких платьев, времени, когда можно телом касаться ветра...

Медленно, медленно возвращались радости.

В Дине проснулось человеческое, природное. Это было ново и удивительно...

8

Кит и Даша сидели у Ольги Леонидовны в гостиной, наполненной симфониями кулинарных запахов. Ребята уже успели насладиться съестными чудесами, и бабушка решила, что пришло время для важного разговора. Она выложила новость сразу, без обиняков:

- Мать зовёт тебя в гости на своё сорокалетие. Вот письмо.

Её слова прозвучали так, словно речь шла о прогнозе погоды. На колени внука кувыркнулся конверт.

Кит не тронул его, продолжая покачиваться в кресле.

Даша нарочито рассматривала альбом с репродукциями импрессионистов, показывая, что назревающий разговор её не интересует.

- Прочитай. День её рождения десятого июля. Подумай, когда и как возьмёшь билет, сколько прогостишь, - настаивала бабушка, обращаясь к внуку.

- Ба! Что ты меня всё время ею пичкаешь? Она – чужой человек. Почему ты за меня всё решила? Я чемодан, что ли? - сказал Кит натужно спокойно.

Но Ольгу Леонидовну невозможно было сбить с колеи:

- Думаю, что ты должен поехать. Речь идёт о твоей матери.

- «Твоя мать», «твоя мать»! – закипал Никита.- Господи, Ба! Ты хоть слышишь себя?

- А ты меня?- невозмутимо откликнулась старая леди.

- Слушай, а чего бы тебе самой туда не нагрнуть? Вы же с ней близкие подруги! По переписке,- ехидничал внук.

- Она зовёт тебя. Я слишком стара для псковского климата.

- А у меня на него аллергия!- выкрикнул Никита.- Всё. Разговор окончен. Даша, пошли!

Он смахнул с колен письмо и выскочил в прихожую. Даша поставила альбом на полку и двинулась было за другом, но вдруг присела, подобрала конверт и долгим взглядом посмотрела на Ольгу Леонидовну...

Ба не стала останавливать ребят. Пусть идут. На улице май. Самое время туда...

Всё образуется – это она знала теперь наверняка, потому, что есть маленькая умная Даша. Она всё делает правильно...

9

Пётр приподнялся на локте и пальцем стал легонько сматывать в колечко прядку дининых волос.

Дина лежала закрытыми глазами.

Он подул на её веки. Ресницы дрогнули, женщина усмехнулась.

- Что? – спросил Пётр.

- Да так... Через месяц мне сорок. А я этого совсем не чувствую.

- Во-он что, - сдвинув брови над смеющимися глазами, протянул Пётр. – Отмечать будем?

- Н-не знаю,- замялась она.

- Можно совместить. Пригласить литкружок к тебе. И поговорим, и выпьем. Да?

Дина пожала плечами и задумалась. Почувствовав её настроение, Пётр тоже стал серьёзен.

- Давно хотел спросить. Почему ты одна?

- Родители умерли,- неохотно отозвалась подруга.

- Я не про то... Ты говорила, что у тебя есть сын. Почему вы с ним не вместе?

Дина села на постели, обхватила ноги и положила подбородок на колени.

Как ответить? Ответить ли... Это ж всю жизнь рассказать надо...

- Давай, мы его на твоё сорокалетие пригласим!- неожиданно предложил Пётр.- Как, говоришь, его зовут?

- Никита,- тихо произнесла Дина больное имя.

- Так и напишем: Никита, приезжай на день рождения мамы. Попытка – не пытка. Вдруг приедет? Поговорите хоть... Надо же когда-то... Попробуем?- и Пётр уверенно стиснул плечи подруги...

Жёлтые полосы света пробивались сквозь шторы, раскладывали светлые пятна по мебели и стенам. Искристые пылинки спирально роились в лучах и походили на золотую кошмару.

10

Весь путь Кит молчал и не смотрел на Дашу. Та за ним едва поспевала, но не окликала.

В своей комнате мальчик вперился в окно и закаменел.

Даша приблизилась, положила руку ему на плечо, но он дёрнулся. Девочка поняла так, что надо подождать и притихла в углу дивана...

Через время она опять подошла и притронулась к спине друга. На этот раз Кит не пошевелился. Девочке показалось, что он успокоился, и можно теперь говорить.

- Кит... Я думаю, бабушка права...

Никита медленно повернулся и удивлённо воззрился на девочку.

- Послушай меня, ладно? – она попыталась объясниться, но тот не дал продолжить.

- Даша,- тихо, со значением произнёс он. – Мать бросила меня пятилетним ребёнком.

- Что значит, бросила? Ты в самом деле хотел поселиться с ней в псковской глухомани, жить на гроши и терпеть какого-нибудь отчима-механизатора?

- Она могла остаться с нами...Н-ну, вернуться после похорон псковской бабушки.

- Тут всё непросто,- мягко сказала девочка. – Отец что-нибудь говорил об этом?

- Отец молчит. Некогда ему...А ты что-то слишком много понимаешь в таких вопросах, - снебрежничал Никита.

- У неё наверняка причины были. Только ты о них не знаешь.

- Почему же за столько лет она ни разу не захотела меня видеть?

- Да потому, например, что денег на дорогу не было! Может, она боялась причинить тебе боль... Или что не примешь...

- Да, не приму! И не поеду, ясно?! – взорвался Никита и вдруг сделал открытие. - А-а! Так вот почему вы с ба переглядывались! Хотите примирить меня с матерью - это цель вашей коалиции! Глупая девчонка с выжившей из ума старухой...

Кит захлебнулся негодованием, замолчал. Даша не ответила на выходку, только смотрела во все глаза.

Странная пауза длилась довольно долго; Кит успел оценить себя со стороны. Он уже жалел о взрыве и не знал, как теперь поступить. И Даша решала, как быть ей: та ли это минута, чтобы рассказать Киту главное? Найдётся ли другое, более удобное время, хватит ли потом смелости?

Не вполне решив, правильно ли она поступает, оттого волнуясь, девочка сбивчиво заговорила:

- Ты же ничего не знаешь. Твоя бабушка лет пять мучается тем, что ты... Что вы с мамой...

Она смешалась, испугавшись, что сболтнула не то, не так, не вовремя и закрыла лицо руками...

- Я пойду, ладно? – устало сказала Даша...

Дверь в прихожей аккуратно щёлкнула.

Кит метнулся к полкам и стал размашисто сгροхивать на пол колонны томов пока не нашёл материну книжицу. Он упал на кровать, открыл посередине и принялся читать...

Вторая часть

1

Состав медленно втянулся между платформами. До отправления оставалось ещё с полчаса; заходить в вагон не имело смысла.

Никита беспомощно топтался на перроне вместе с Дашей. Он сумрачно молчал и тем здорово смахивал на отца. Даша напротив, без умолку щебетала, но разговор был нестоящий и ненастоящий: «Приедешь – позвони», «Про подарок не забудь», «Если что купить там надо – купи».

Кит даже односложно не силился отвечать, просто кивал и смотрел куда-то межпространство. Время издевательски влачилося, Даша не уходила, Киту больше всего хотелось сейчас остаться одному.

- Я пошёл садиться, - принуждённо выдавил он из себя.

- Куда ты? Ещё двадцать минут, - удивилась девушка.

- Да... Всё равно уж... - невпопад пробормотал Кит, отводя глаза.

Подруга внимательно на него посмотрела и, словно поняв его состояние, кивнула. Едва прикасаемо, точно воздушной волной от крыла бабочки, она поцеловала его в щёку и порхнула к вокзалу.

Кит занял своё место, привалился спиной к стене, скрестив на груди руки. Мимо открытой двери купе проходили, протискивались с вещами люди, превращаясь в невольные соседи и случайные собеседники друг друга, одним словом, становясь пассажирами...

Поезд дёрнулся ехать. В дверном проёме появились трое. Чуть ли не одновременно они протиснулись внутрь, сели напротив и любопытно уставились на Никиту.

- Привет, я – Стас, - сказал один и кивнул на приятелей. – Эти двое чудиков - Димон и Шурик. В Псков по каковскому дельцу?

- Никита, - нехотя отозвался Кит.- К матери еду... В гости.

- А мы – на пленэр,- опять за всех ответил Стас.- Ты в Москве учишься?

- Учусь... И живу. С отцом... Бабушка ещё есть.

- Предки, стало быть, разбежались,- подытожил всё тот же парняга.

- Она бросила нас, когда мне было пять лет,- почему-то уточнил Никита.

Все притихли.

- Да что...- отмахнувшись от молчания, вдруг бросил Шурик.- Вот моя мать – при мне, а лучше бы отдельно жила. Такого мужа привела, - с души воротит.

- А у меня мамы не-ету-у, - дурашливо проныл Димон - Дима. – «Федотка-сиротка» я-а...

- Ну, загундосили,- беззлобно оборвал ребят Стас и предложил Никите. - Слушай, в конце вагона наши едут. Пойдём?

- Нет, спасибо. Я наверное спать лягу.

- Как хочешь. Надумаешь – милости просим.

Парни пошуршали в вещах, достали бутылконо постукивающие пакеты и высыпались в коридор. Никита остался один.

Те трое засели в дальнем купе, и очень скоро оттуда стали докатываться взрывные волны дружного смеха. Киту предстояло уединение, по крайней мере, до глубокой ночи.

«А у меня мамы не-ету-у. А у меня мамы не-ету-у, - мысленно несколько раз пропел Никита. - Фу ты, привязалась глумливая фразёнка!» И вдруг усмехнулся: « У одного мама есть, у другого не-ету-у, а у меня то ли есть, то ли нет».

Он сел по ходу движения и поглядел в окно. Сначала за окнами проскакивало неохватное и ненасытное хозяйство столицы. В этом не было интересного, и Кит принялся размышлять.

До поездки Кит точно знал, что мать ему не нужна. И вот, появляются трое совершенно случайных людей, и ему уже хочется, чтобы они осудили его родительницу, посочувствовали брошенному мальчику. Почему?

Никита представил, как мама ходит по улицам далёкого города, улыбается, может, любит кого-то, и болезненно поморщился, но тут же одёрнул себя. «Не надо было парням жаловаться. Никого не поразил. У тех самих сложно. Моя-то хоть жива». Потом понеслись другие мысли.

Узнает ли он мать? Она помнилась молодой, хрупкой, в коричневом платье, с короткими волосами. Но ей сорок. Располнела? Состарилась?

Как она его встретит? Кинется целоваться, расплачется у него на груди? Никиту передёрнуло. Только бы без этого цирка. Живя столько лет порознь, разыгрывать сердечную встречу глупо... Но если кинется, как ему себя вести?..

Поезд между тем выскочил в лесные дачные массивы. Стало поинтересней. Дальше пошли леса. Смерклось. Никита смотрел, как через его отражение в стекле промелькивают деревья, тянутся провода.

И вдруг увидел небо; громадное, низкое – рукой достать! Он выключил свет, и уже ни о чём завтрашнем не думал, просто смотрел.

Неизвестно как замысловатые облака держались ещё налету. Но днищами-то наверняка скребли по крышам вагонов, и, если бы не степ колёс, их скрежет слышали бы пассажиры.

Кит прижимался к стеклу и заглядывал вверх. Облака были не синие – фиолетовые, закатное солнце навело им оранжевую кайму. Этим ли художественным приёмом, природе удалось оживить их причудливую рельефность или тут что-то ещё?..

Потом мальчик вжался щекой и посмотрел вперёд, на локомотив. Небесные тяжеловесы немного не дотягивали до горизонта, оставляя светлое

пространство. Там, куда мчался состав, горело полураздавленное облаками солнце. Оттого в картине чувствовалась тревога: неумолимо нависающие фиолетовые груды вот-вот расплющат и поезд, если он не успеет проскочить в багровую щель между землёй и ими, поэтому так быстро стучат колёса...

Никита вспомнил материно стихотворение, которое сначала не понял, зато теперь видел воочию:

Опрометью мчат леса из Пскова,
Им навстречу – поезд из Москвы,
И рябят в окошке бестолково
Шпалы, камни и пучки травы.

Провода электропередачи
Сходу налетают на столбы,
Отбегают к станциям и дачам,
Утомясь от гоночной борьбы...

Не сбиваясь с рельсового такта,
Во всю прыть несётся мой вагон,
Словно проскочить в просвет заката
Под просевшим небом хочет он.

2

Ждать встречи оставалось сутки. Дина думала, что, может быть, Пётр прав, и разговор у неё с сыном всё-таки состоится. Но о чём бы они не решились поведать друг другу, главным будет один – единственный вопрос: почему так вышло?

Годами, в свои, Никитины дни рождения, в одинокие вечера Дина на разные лады задавала его себе. Ответов находилось множество, но ни один, по совести говоря, её не устраивал, и женщина шаг за шагом пересматривала свою жизнь в обратном порядке.

Сегодня она несчётный раз допрашивала себя.

Крякнула дверь. Пётр вошёл в кухню и обнаружил Дину, неподвижно сидящую у окна.

- Случилось что-нибудь?

Пётр поцеловал Дину в щёку, придвинул ногой табурет и сел рядом.

- Думаю...- тихо сказала Дина.

- Не волнуйся ты так. Завтра встретитесь, поговорите, всё наладится.

- Кит не ответил ни на одно моё письмо; он, наверное, меня ненавидит...

- За что же, разреши спросить? За то, что не попыталась высудить или выкрасть его у отца? – с незлой иронией спросил Пётр. – Твои возможности позволяли надеяться на успех?

- Ну что ж, иронизируй. Я даже встретиться с сыном не сумела. Ездил в Москву, а что толку: Ольга меня на порог не пустила...Кстати, я видела Кита тогда в школе, в окне...

- Бог с ней, с поездкой,- перебил её друг. – Давай посмотрим на твои сомнения и с другой стороны. Ты могла бы дать сыну всё то, что у него сейчас есть? И дело даже не в деньгах. Твой сын может получить образование в любой стране Европы,- вдумайся, моя бедная девочка! Не тебе - ему было бы лучше, если бы ты его этого лишила?

- Пойми, я лишила его себя... Всё время думаю, могло ли в моей жизни устроиться как-нибудь так, чтобы я осталась с сыном и...

- Понятно, понятно: и рыбку съесть и дамки сесть.

- Да нет, не жаль мне утраченных благ, - спохватилась Дина.- Могла ли я найти себе применение в Москве и не разлучаться с Китом?

- Думаешь, стоило ли затевать собственные планы, чтобы в итоге остаться без сына? – уточнил друг. - Иными словами, существовало ли срединное решение?

Дина быстро повернулась и внимательно посмотрела на него.

- Да, Петя! Да!

- Тогда ответь честно: у тебя имелись способы как-то переломить положение в свою пользу?

- Допустим, я рискнула бы попросить у мужа денег на заведение какого-нибудь моего предприятия.

- Не знал, что у тебя к этому есть способности... Таких дельцов, как твой Иван, единицы. Уверена, что получилось бы? И подумай заодно: а если бы выпрошенная сумма прогорела? Хотя, не льсти себе: он слишком умён, и наверняка сразу отказал бы.

- Возможно, мне удалось бы там издаваться,- робко обвиняла себя Дина.

- Не смейся, милая. Иван не стал бы вкладываться в это. Ну, может, купил бы тебе тираж сто – двести экземпляров, подружкам раздарить,- твои проблемы решились бы в корне?

Дина усмехнулась.

- Я могла учиться дальше, закончить институт...

Пётр обнял её и мурлыкнул:

- Ты его и закончила...

- Ну да, благодаря тебе,- в тон ему ответила она.

- Прибавь сюда нашу литературную студию. Помнишь, как мы радовались, когда вышел твой сборник? А ещё есть я...

Вместо ответа Дина обеими руками взяла его лицо и поцеловала.

- Ну, всё, хватит чепуху разбирать, - шутливо- деловито сказал Пётр.- Что у тебя на ужин?..

Этот разговор ей самой казался наивным: сорок лет всё же сказали своё слово.

Было время, когда Дина вела такие беседы с собой и не могла оправдаться. Тысячи раз она просила Всевышнего: «Ответь мне! Надоумь!», а слышала только своё дыхание и считала, что Бог от неё отвернулся.

Шли годы, ответы находились сами, а Господь как всегда оказался мудрее людей...

И всё же, за сутки до встречи она снова перебирала совестные укоры. «Что я сделала не так с самого начала?»- спрашивала она, следовала нити событий в исток своей судьбы и находила то, чего не могла объяснить даже сейчас.

Почему она тогда бросила учиться? Почему не отказалась от няни для Кита? Дине казалось, что институт и прислуга связаны со следующими вешками её жизни. Наберись она смелости отстоять учение и материнство, у неё нашлись бы силы и на что-то большее. Это, не оправданное временем бессилие, она себе простить не могла.

3

Поезд сытой гусеницей медленно подползал к вокзалу; в вагоне учащённо задвигались двери купе.

Настроение у Кита падало как стрелка барометра на дождь. Его раздражало огулом всё: компания весёлых, несмотря на бессонную ночь, художников, со смехом вываливавших пожитки; трое возвратившихся попутчиков; захолустные виду в окне. А главное: то, что ему до казалось далёким, сейчас должно произойти. Не ожидая ничего хорошего, он заранее уже ругал себя и весь мир. Зачем было соглашаться с ба и Дашей? Чего потащился в неизвестность?... Отец... Молчун ещё тот...Зачем денег на поездку дал?..

К тому же он обнаружил, что забыл перед сном почистить обувь. Теперь корил себя за разгильдяйство. Он хотел предстать перед матерью в блеске, подчеркнуть их с ней неравенство, чтобы она не посмела претендовать на родственность. И вот, обувь оказалась с пыльной!

Кит схватил со стола салфетку и начал яростно натирать ею туфли, вкладывая в это занятие всё душевное беспокойство.

Толчок поезда остановил его. Утро встретило мальчика свежестью недавнего дождя.

Проводник помог ему снять на платформу чемодан. Кит помедлил в двери, огляделся. С последней ступени он махом шагнул в маленькую лужицу. Он посмотрел на туфли: капельки с туфли юрко смеивались с глянцевого чёрной кожи на асфальт. Кит чуть не заплакал, сотый раз проклиная приезд, и жалел, что нельзя сию минуту прыгнуть в вагон и укатить обратно ...

В ряби слёз он не заметил, как к нему подошла женщина.

- Здравствуй, сын,- спокойно сказала она.

Кит оглянулся; память колыхнула замытые воспоминания, и он догадался, что это мать.

- Здравствуй..те, - неуверенно, но как-то успокоено поздоровался мальчик: у женщины не дрожал подбородок, не наворачивались слёзы. Она не покушалась обволочь Никиту поцелуями и объятьями.

- Пойдём? - робко предложила мать после недолгого совместного разглядывания.

- Пошли, - решительно отозвался Кит.

До остановки молчали. Мать шла чуть впереди, и Кит мог её рассмотреть. Она была такой же худой как в молодости, но сейчас это шло ей, пожалуй, меньше, чем тогда. Волосы покрашены, но не уложены в причёску (у ба всегда уложены)...Коричневое платье походило на прежнее, которое он помнит (неужели то же?). Вся она была какая-то простенькая, бледненькая и безликая (мышь серая ... Моль белая).

В автобусе, чтобы разбавить неловкость, мать принялась показывать примечательные места, прокатывающиеся за окном. Кит озирал их рассеянно и молча кивал...

- Располагайся, - сказала Дина, растворяя дверь в чистую комнатку. – И приходи на кухню обедать.

Когда она вышла, мальчик сел на кровать, опустил руки и обвёл глазами временное пристанище: здесь ему предстоит отбывать гостевание. Хорошо бы не выходить отсюда до отъезда....

В кухне Дина собирала на стол. Никита вошёл, она оглядела его и осияла робкой улыбкой:

- Как ты вырос... Совсем взрослый.

- Ещё бы...- с иронией ответил Кит.

Но мать не подала виду, что заметила, приподнялась на носках, потянулась к сыну рукой, но Никита отшатнулся. Она опустила глаза и, поджав губы, указала ему на стул, приглашая обедать.

- Сколько пробудешь?- спросила Дина.

- Две недели,- рассеянно отвечал Кит, покрутив в руке вилку и пошарив взглядом по столу. Ножа он не увидел, а попросить не смог: пришлось бы обратиться к хозяйке, а он не знал, как.

- Сейчас поедем и, если хочешь, покажу тебе наши места...

- Наши...- эхом тут же Никита.

Дина помолчала и добавила:

- Речку, лес... Ребята всё лето там пропадают. А хочешь, съездим в город, я покажу, он красивый. Только не завтра. Мне на работу надо. Потом уж отпуск начнётся.

- Я не пойду, спасибо, - ответил Никита.- Устал с дороги. Отдохну.

- Ладно. В другой раз сходим...- Дина сказала ему уже в спину.

В комнате Кит прилёг на пружинистую кровать, и она благодарно и бережно его качнул, мягко взывнув пружинами. Мальчик заложил руки за

голову. Вот приехал... Какая всё же тоска! Что ему тут делать? Он благополучно прожил бы и без этого, да и мать, кажется, тоже.

Закурлыкал сотовый. Долгожданная Даша. Никита только сейчас понял, что долгожданная. Будь они вместе, всё прошло бы легче.

- Никита! Как ты там? Уже у мамы? Нашлись?

Дашина привычка задавать одновременно несколько вопросов прежде слегка раздражала, но теперь казалась ему забавно-трогательной.

- Даша... Здесь тебя не хватает.

- Тебе не хватает? Что, так плохо?

- Н-нет... Просто я не знаю, как себя вести, что сказать... Чувствую – не моя тарелка.

Даша помолчала.

- Вы поговорили? Как мама?

- В порядке... она, - Кит осёкся, не смог назвать Дину мамой.

- Милый Кит,- опять заговорила подруга.- Всё обойдётся. Вот увидишь. Я понимаю, что говорю все и всегда, но поверь мне, пройдет немножко времени, и всё сложится не так уж плохо.

Мальчик сник. Ну да, так всех утешают. Глупые, незначимые слова, ничего не решающие и не помогающие.

- Ладно,- ответил он тусклым голосом.- Пока. Созвонимся.

Даша послушно отключилась.

Кит закрыл глаза и погрустнел: не так бы им попрощаться. В самом деле, что девочка могла сделать? Чего он от неё ждал? Он не знал.

Как бы ни было, дорога и переживания порядком утомили, и он уснул...

4

Ещё не окончательно проснувшись, Никита точно издалека уловил голоса. Материн и мужской...

Пётр свалил на стол продуктовую поклажу.

- Как всё прошло?

- Что – всё? - сухо переспросила Дина.

- Первая встреча. Она самая трудная... наверное. Я, вообще, не могу судить, но так кажется... - смешался Пётр.

- Ничего, нормально.

- А где он сейчас?

- Прилёт с дороги.

Для обычной кухонной возни Дина выглядела, пожалуй, слишком сосредоточенной, и он понял, что спрашивать больше не стоит, может, и нечего пока.

В дверях показался Никита. Вид послесонного юнчика отозвался в Петре чуть заметным смешком.

- Привет, молодец. Я - Пётр.

Никита скупно пожал протянутую руку, буркнул «Никита» и хотел вернуться обратно в комнату, но Пётр задержал.

- Хочешь прогуляться?

Кит молча кивнул; перемотать вечер на один с матерью не хотелось.

- К семи вернёмся,- сказал Пётр Дине и легонько подтолкнул мальчика к двери...

Они прошли по окраинной улочке с деревянными домиками. На развилке, между заборами свернули к огородам. За ними широкой зелёно-золотой лентой в солнечной неге томился луг.

В траве по брюхо утонули несколько терракотовых коров.

Никите удивила и позабавила их неподвижность: животные словно погрузились в самосозерцание, медитировали и, медленно закрывая сливовые очи, уплывали в свою коровью нирвану.

Тропка вывела мужчину и мальчика наискосок через луг, оказалось, к реке.

- Это наш пляж,- Пётр обвёл рукой песчаный месяцок с валунами по остриям.

В буровой воде бакенами качались несколько голов фыркающих и смеющихся купальщиков. Пётр поднял ладонь, приветствуя одну из них, и повлёк Никиту дальше по берегу, поросшему ажурным ивняком.

- Твоя мать... Талантливый человек,- медленно, подбирая слова, начал он. - Не от мира сего.

- Да уж, - откликнулся Кит.

- Погоди иронизировать. Она мучилась разлукой с тобой, как бы это сейчас ни звучало.

Усмехнувшись, Кит дёрнул подбородком и поймал себя на мысли, что это отцово движение.

- Могла бы вернуться, её никто не гнал. Почему она этого не сделала?

- Сложно объяснить в двух словах. И нужно время, чтобы разобраться.

- Хорошо, я спрошу по-другому: почему она не забрала меня?

- Это ты сам объяснишь, когда помотришь на себя в зеркало и повнимательнее приглядишься к её жизни.

- Ну да, конечно!- насмешливо спохватился Никита. – Вы ведь на социальный статус намекаете.

- Я бы сказал по-другому. Возможности...Перспективы, если тебе так понятнее.

Кит усмотрел в словах Петра высокомерие и вспыхнул:

- Да, кажется, наглее вас. В гимназиях обучены.

- Не заводись, - миролюбиво пытался остановить его Пётр.

Но мальчик разозлился:

- Про перспективы я вам так отвечу. И у неё были не хуже моих, если бы она сглупу не променяла их на вашу тьмутаракань. С нами не захотела, а без нас не получилось. Вот, чем она мучилась. Безвольная бабёнка...

Пётр неожиданно развернулся, крепко стиснул плечи Кита и спокойно, без нажима произнёс:

- Полегче, сынок. Речь идёт о твоей матери.

Рыжебровый внимательно посмотрел в глаза,- и в этом мальчику померещилась тень противостояния.

Разговор исчерпался, Никита закусил губу. Сквозь личину воспитания проступила неприязнь к материнскому другу. А между тем, приходилось сознаться: в Петре не было и песчинки того, что Кит презирал в людях. В чём было его превосходство – мальчик не понимал и не желал доискиваться...

Они вернулись. У Дининого дома рыжий сказал:

- В выходные у твоей мамы соберутся наши, так сказать, собратья по перу. Познакомишься с ними и больше узнаешь о матери. Будь мудрым. Спокойной ночи.

Кит ответил наклоном головы...

5

Несколько следующих дней Никита был предоставлен сам себе.

Он уже осмотрел дом и взялся обходить окрестности.

Невдали за пригородным посёлком поднимался сосновый лесок. Мальчик заглянул туда и разочаровался однообразием. Повсюду одинаковой высоты сосны, внизу – мягкие изумрудные сугробы мха и кустарнички. Бог знает, как называются эти кустарнички, ягоды с них Никита на всякий случай не пробовал. В загущённой ольхой низине он нацеплял на брюки мелких паутинок. Их трудно было убрать пальцами, и лес вовсе мальчику прискучил. Впрочем, природные восторги ему всегда казались фальшивыми. Он ушёл к реке.

Мимо всеобщего купального места, которое они проходили накануне с Петром, неожиданно, его окликнули. Это было так невероятно, что Никита сразу не понял, что его зовут, и шёл дальше, не оборачиваясь.

Его догнал Стас, тот, из компании художников.

- Привет, попугачик! Не ожидал тебя здесь встретить. Как дела?

- Да я тоже... Не чаял. А дела мои нормальные, правда не знаю, что ты имеешь ввиду.

- Ну... Ты же про маму говорил. Как у вас, наладилось?

- Д-да, - не очень уверенно проговорил Никита и уже жалел о том дорожном разговоре. – Вобщем, да.

- Хорошо, если так, хотя по виду не скажешь. Но ты всё равно не переживай. Главное, вы вместе, значит, договоритесь. Кто раньше созреет, тот и сделает первый шаг... Ох, да я, кажется, лезу не в свои дела. Прости, друг, пойду. Там меня Димон с Шуриком заждались. Всё. Бывай.

Стас махнул рукой, не оглядываясь потрусил к купальне.

Кит двинулся дальше по берегу. Пейзаж здесь тоже не увлекал: луг да приречные ракиты, и мальчик принялся обмысливать своё положение.

Итак, он в чужом городе, среди чуждых ему людей. Непонятно, чем они живут, чего хотят. Этот рыжий Пётр... Кто он матери? Во что посвящён ею? Почему допущен в их дела? Кит тут же перебил себя: какие дела-то? У него с матерью не затевается дел ни сейчас, ни после.

С ней вообще ничего хорошего: он не может прикоснуться к ней, посмотреть в глаза, поговорить. Сможет ли когда-нибудь? Чему надо случиться, чтоб это изменить?

Ему и подруге звонить не хотелось! Ночь в поезде поделила жизнь мальчика на два неравных, глубоко разных части. Разговаривать с Дашей и окунаться в прежнюю, а выбираться в эту, незнакомо точащую, слишком тоскливо.

Ещё недавно Кит был довольным собой, уверенным юношей с удобным будущим, радужными планами на лето. И вот уже несколько дней он – обычный, издёргавшийся подросток.

Рядом с Петром он чувствовал себя неумным, рядом с матерью – жестоким, каким себя прежде и не знал.

В той жизни он любил общение, а в этой бегаёт от него по лугам и лесам до вечера...

Раздумывая так, он забрёл довольно далеко и не сразу заметил, что окрестный вид изменился.

Никита оказался на взгорке. Обмелевшая река, пересыпанная по руслу и берегам валунами, протекала вниз. Вокруг, не посягая на свободу друг друга, росли с десяток сосен.

Они совсем не походили на те, которые росли в лесу. Там деревья прямые, что карандаши, без единой веточки почти до самой верхушки. И как в коробке с карандашами стоят тесно, осыпая мох жёлтыми иголками.

Эти же – неохватные крепкогрудые старики с вольно растопыренными тяжёлыми ветвями, пушистой кроной. И трава была в колени; света ей здесь хватало. Внизу, возле воды кустилось неизвестно что. Кажется, черёмуха с той же ракостью. Никита опустил в траву между исполинами и подставил лицо нежаркому солнцу. Вверху кора краснела. От солнца, сама по себе или всё вместе, - Никита не разобрал, но от этого рождалось ощущение, будто она накалена и лучится.

Мальчик закрыл глаза, прислушался. В голосе ветра ему почудился чей-то далёкий зов... Мысли улетели, остался шёпот деревьев, травы, реки...

Он очнулся, когда тень от сосны дотянулась до него, умалив день. Вечерело. Надо было возвращаться...

6

С утра Кит нашёл неловкий способ вручить Дине подарок. Она благодарно посмотрела на него, но подарка не развернула - унесла в комнату. Недосуг.

Шли последние приготовления к застолью. Мальчику тоже передалось оживление. Ощущение причастности к праздничной суете для него было

новым, неожиданным. Пару раз даже вызывался помочь. Мама обрадовалась, но всё же отказалась. Разве что в магазин послала. С Петром...

К вечеру стали собираться гости. Никита взялся встречать их у порога и приглашать в гостиную. Заодно знакомился: пожимал руки и назывался в ответ. Большинство пришельцев возбуждало его любопытство. Бородатые личности в нехитрых свитерах и рубашках разувались и проходили в комнату в носках! Они напоминали альпинистов и скульпторов из старых отечественных фильмов не только одеждой. Тех и других роднило состояние, о котором говорил Петр: не от мира сего... Это, вероятно, была та когорта людей, кто в вещах ценности не видел, разве только в том, что составляет смысл их жизни. Одни – в верёвках и ледорубах, другие – в книгах и рассветах. Никите почему-то казалось, что мамыны друзья особенно ценят рассветы, потому что к восходу их творческие муки чем-нибудь да заканчиваются. Тем они и счастливы. А у него, Никиты, много дорогого, и он не знал, мог ли испытывать счастье на рассвете без хотя бы части этих своих ценностей.

Если сорвётся Копенгаген – страшно подумать, как его это огорчит. А вон тот, в чёрном свитере, вероятно, и бровью не поведёт, если, конечно, сам себе не лжёт...

Дина перестала, наконец, суетиться, все разместились и на минутку притихли, чтобы дать созреть торжественности момента, Кита вдруг ошеломило открытие!

Впервые в жизни он почувствовал себя неловко. Во влитом пиджаке и дорогих туфлях Кит оглядывал застолье точно с другой планеты. В замешательстве он опустил голову; ему чудилось, что все уставились на него.

Но поднялся Пётр, произнёс вступительные слова, и внимание утекло к Дине.

Мало-помалу, занялись едой, разговорами. Кит незаметно снял пиджак и вздохнул.

Беседы оживились, стали непринуждённые. Затевались шумные споры вокруг литературы. Кита они тоже увлекли, но, не считая себя знающим глубины поэзии, он в спорах не участвовал и, если приходилось, отвечал коротко. Какой вершины достигли разговоры, мальчик не уловил, но в единый момент вся компания вдруг обратилась к одному человеку – соседу Кита по столу.

Он поднялся, попросил передать ему гитару, и дружная тишина уняла гомон...

С первым же струнным дрогом Кита накрыло мягкой тёплой волной, словно шерстяным пледом. Мальчик не считал себя впечатлительным, но мог поклясться, что чувствовал именно тепло. Струилась печальная песня, как выяснилось, на слова Дины. Для пушщего чувства, Кит прикрыл глаза и погрузился в музыку.

Волшебным образом скупенькая комната обволоклась бархатным уютом, люди стали добрыми, и жизнь оказалась не такой уж злокозненной...

У Кита защипало глаза. Он осторожно встал и прошёл между гостями на улицу.

В могучей предвечерней тишине мальчик услышал шёпот:

- Не надо... Не целуй сейчас...- говорил женский, мамин голос.

- Почему?- откликнулся мужской, петров.

- Никита... Кит может выйти. Увидит...

- И что? Он взрослый парень, всё понимает...

- Н-нет... Отпусти...

- Боже мой, Дина...Какие условности...

- Условности?!

Полный злого отчаяния вскрик услышали за собой Пётр и Дина. Они разом обернулись: Кит смотрел на них округлившимися глазами.

- Что же вы остановились? Продолжайте. Я заметил, что здесь не слишком считаются с условностями! Да и кто я такой, чтобы меня принимать во внимание?

- Кит...- начала было мать.

Он не дал говорить:

- Кит?! Почему Кит? Так меня зовут только родные. А ты – кто?! Кто ты мне?!!

- Никита, послушай,- заговорил Пётр, но мальчик уже ничего не слышал и кричал матери, захлёбываясь и глотая куски слов:

- Ст.. лет... Ст...лько лет я тебя ждал!.. Вот, оказывается, чем ты тут занималась. Бабушку хоронить уехала? Траур-то не помешал мужичка завести?! Неземная любовь помогла забыть маленького сына! Вы, Пётр, думаете, она вас любит?! Какая наивность! Она даже собственного ребёнка не любит! Никого не любит, даже себ...

Сорвавшись на последнем слове, Кит опрометью бросился прочь.

Дина медленно опустилась на крыльцо, прислонилась к перильцам и мелко задрожала. Чтобы унять себя, она обхватила себя руками, сломилась пополам и медленно замотала.

- Ах, Петя... Наверное, он прав...

7

Кит прибежал в сосновую рощу, недавно им отысканную, с маху сел в траву, положил локти на колени и уронил на них голову.

Из-под закрытых век на скулы протекли слёзы. Плечи вздрагивали, и трудно дышалось.

Решительно всё за сегодняшний вечер казалось ему стыдным: праздник, материн роман, собственная несдержанность. Сюда, как на клубок, намоталось ещё много обид и обличений. В чём только он не винил Дину, время, родных, чужих. Всё переплелось и не подлежало разбору...

По-немногу в памяти, будто среди ненастья, прояснился один давний случай. Кит тогда учился в пятом классе.

Несколько дней меньшие гимназисты улейком погуживали о забавной или тревожной новости (кому как нравилось). Мальчики смеясь, девочки доверительно на ушко рассказывали, что о чудаковатой женщине. Кое-кто встречал её окрест гимназии. Говорили ещё, она подходит к мальчикам, заглядывает им в лица. Не хватает за руки, не идёт по пятам, а так: смотрит и растерянно отходит.

Никита не верил. Она ни разу не попалась ему на глаза даже в отдалении.

Однажды только, глядя из окна третьего этажа, он увидел как охранник проважал за ворота незнакомку. Та обернулась, посмотрела на окна и поймала взгляд Кита. Он не мог отчётливо разглядеть, но мигом догадался, кто это, и истошно закричал: «Мама-а!»

С натуги заболело солнечное сплетение.

Никита перевёл дух. И вдруг, испугавшись тишины за спиной, он резко обернулся. Привычная картина – младшие школяры бегали и дрались – наполнилась звуками. Кит облегчённо вздохнул. Его не слышали: он кричал беззвучно.

Он потом во сне так кричал, но что именно видел, вспомнил лишь сейчас. Ему снилось заполошное, полусумасшедшее лицо. Материно.

Кит заплакал сильнее. От жалости к себе, пятикласснику; к Дине, тогдашней, в окне; от сегодняшней ревности к Петру...

Сосны деликатно притихли, отведя взгляды за реку. Там зачинался закат, долгий, как все летние вечерние зори в этих краях.

Какой нежный свет, чей таинственный шёпот позвал Никиту взглянуть в ту сторону? Мальчик поднял глаза: оттуда, вместе с лучами усталого светила источалась великая, умиряющая тишина. Кит, всхлипнул, вытер кулаком слёзы и задумался.

Мать приезжала в Москву. Почему же она с ним не встретилась? Побоялась отца? Или бабушки? Даша говорила, что ба за что-то винится... Ах, да! Теперь понятно за что. Мысли шли и шли...

За рекой, на далёких зазубринах леса распласталось солнце... Даже и не солнце, а бесформенная лужа света окрашивала облака в розовые и золотые тона, озаряла поверху шевелюры сосен: ветви горели как металл в мартене.

Мальчик безразлично оглядел ноги: на брючины и носки нацепились семена череды, к туфлям прилипли паутинки. Зато в вечернюю тишь текли последние кванты света.

Кит уставился даль, и закат трижды отразился в нём: маревом дрожал в блестящих глазах и в груди, в потаённом месте кровавым густым светом растворял соляные столбы обид, тяготивших Никиту.

Наступил момент, когда освободившаяся от тягот душа будто вышагнула за оболочки тела, костюма, расправилась и вдохнула невиданную,

непознанную до сих пор волю. Она точно скинула лакированные туфли и пошла по холодеющей траве к ласково ворчливым речным струям.

Говорят, души иногда летают, парят над сущим, но никитина шла, его грудью, кожей, глазами вбирая последние мгновения уходящего дня. Дремучие волхвы-сосны простёртыми к закату ветвями, точно меховыми рукавами покачивали, прощаясь с солнцем...

Пугливой птицей короткая белёсая ночь, бесшумно раскинула крылья, окружно спланировав над миром. Она остудила сосновое зарево, подула на Никитину смуту, точно в кипящий ключом котёл, и умалило всё, чем мальчик до сих пор страдал и дорожил, во что верил, чего ждал от судьбы. И рассвету уже не под силу расставить всё по прежним местам...

Невесомыми лентами пара ночь увила пойму. Тёмные купола кустарника зависли над землёй, отсечённые от неё туманом.

Кит разулся и, подробно смакуя землю ступнями, боясь пропустить малое ощущение, медленно, будто едва выучившись ходить, двинулся к реке.

В сизо-голубой росной траве вытянулась тёмная строчка шагов, обмётанная арочками сбитых стеблей.

Ноги тотчас заломило от холода.

Кит радовался ломоте, терпел её восторженно, потому что понял: ночные кошмары отступились от него. Он, оказывается, здорово устал от снов, обид, а главное, от необходимости их скрывать, постоянно уминая в душе как состоявшееся тесто...

Завиднелось...

К вящему удивлению Кита вода в реке оказалась тёплой и быстро угрела озябшие ноги. Он бродил по мелководью, пока рассвет не окреп, не стронул с ветвей лёгкий ветерок.

Покой. Небывалый покой. Такой, как будто всё уже решено...

Никита осторожно клацнул дверью и, стараясь не шуметь, вошёл в кухню. У стола, спиной к входу Дина что-то нарезала и не обернулась, только движения стали нарочитее.

Сын подошёл, обхватил её, притиснул к себе. Мать напряглась, затаилась, но он слышал её дрожь. Она оставила нож и тихонько, словно боясь спугнуть, погладила его по руке.

- Я не могла, понимаешь?...Не...- скороговоркой сдавленно пролепетала Дина.

- Ш-ш-ш...- шёпотом запротестовал Никита и ткнулся в её макушку сухими губами.

Она послушно умолкла, и дрожко сдерживаясь от рыданий, гладила руки сына.

Кит тёрся щекой о её волосы, вдыхал их запах. «Господи, какая же она маленькая»,- неожиданно открыл он, и жгучая волна подкатила к горлу. Никита зажмурился, крепче обнял Дину, вжался в её кудри и выхрипнул незнакомым голосом, точно позвал:

- Ма-ма-а...

